

— Повтори еще раз, — голос Му Сибая звучал вкрадчиво, а взгляд, обжигающий и требовательный, заставлял Юй Цинъиня чувствовать себя как на иголках.

— Что... что повторить? — он невольно напрягся, ощущая, как по спине струится холодный пот.

— Имя, — в тоне Му Сибая проскользнуло раздражение.

— Фэн Цзюэчэнь? — осторожно начал Юй Цинъинь.

Му Сибай лишь пристально смотрел на него, не сводя глаз.

—...Цзюэчэнь.

Стоило последнему слогу сорваться с губ, как Му Сибай крепко перехватил его и повалил на ложе.

— Хуанъньюй... наконец-то я дождался.

«Хуанъньюй!?»

Эти два слова прозвучали для Юй Цинъиня как приговор; он словно в ледяную прорубь нырнул — сознание мгновенно протрезвело. Даже если Яо Е раньше и объяснял ему значение этого обращения, Цинъинь не мог и вообразить, какая извращенная суть за ним скрывается. Все его естество, и разум, и само тело, восставало против этого имени.

Цинъинь уперся руками в плечи Му Сибая, пытаясь удержать дистанцию, но тот, казалось, совершенно не замечал его сопротивления. Действуя привычно и властно, он начал ласкать его. Юй Цинъинь перехватил его беспокойные руки, он помрачнел. Он уже открыл рот, собираясь высказать всё, что думает, но Му Сибай ловко воспользовался моментом: пресек всякие возражения глубоким, властным поцелуем.

Не желая идти на поводу, Цинъинь стиснул зубы, надеясь проучить наглеца, но Му Сибай вовремя отстранился.

— Му Сибай, я вовсе не собирался... хм!

Договорить ему не дали — запястья снова оказались в плену, а губы смял новый поцелуй. Приходилось признать: этот человек безупречно знал все его слабые места.

Юй Цинъинь, привыкший всегда брать инициативу на себя, в руках Му Сибая терял былую уверенность. Каждая ласка заставляла его сердце биться в неровном ритме, а мысли — путаться. Поймав короткий миг, чтобы перевести дух, он заслонил рот ладонью, не давая Му Сибая снова прильнуть к своим губам.

— Давай сначала проясним кое-что, — голос Юй Цинъиня дрожал от сбившегося дыхания. — Я не помню, кто ты такой, но... — он вперил в Му Сибая яростный взгляд, — рано или поздно я это выясню.

Он хотел сказать: «Даже если ты скрываешь свое истинное лицо, я всё равно докопаюсь до правды, так что лучше признайся сам». Но Му Сибай, видимо, истолковал эти слова иначе. Он довольно улыбнулся, обнял Юй Цинъиня и продолжил свои бесчинства. Цинъинь лишь мысленно застонал, понимая: этот безумец решил, что он во что бы то ни стало вознамерился всё вспомнить ради него.

Несмотря на былую близость, они еще ни разу не заходили так далеко. Раньше Цинъинь опасался, что Му Сибай — простой смертный, и боялся нарушить законы Трех миров. Теперь же роли поменялись: Му Сибай действовал без тени сомнения, словно никакие запреты ему не указ. В тумане страсти Цинъинь обреченно подумал: неужели нет закона, карающего «смертного» за домогательства к божественному зверю? Неужели их род настолько бесправен?

Впрочем, раз уж этого не избежать, нужно хотя бы получить удовольствие. Таково было жизненное кредо Юй Цинъиня, и изменять ему он не собирался.

Когда Му Сибай на мгновение ослабил хватку, Цинъинь извернулся и перехватил его запястья, возвращая себе крупицу контроля. Он прищурился, упираясь ладонью в плечо мужчины.

— Я уже говорил тебе: я не привык быть снизу.

Не дожидаясь ответа, он повалил Му Сибая на подушки, нависая над ним.

— Даже если я принимаю тебя, Фэн Цзюэчэнь, я не стану лежать под тобой.

Му Сибай замер в изумлении.

Юй Цинъинь склонился и поцеловал его — этот поцелуй был одновременно знакомым и чужим.

Похоже, этой ночью всё и случится...

Как бы Цинъинь ни противился, телесная память пробуждалась, а следом за ней начали всплывать и обрывки воспоминаний. С того момента, как он решил не отпускать Му Сибая, финал был предreshен.

***

Луна, подобная куску некрашеного шелка, застыла в небе, заливая призрачным светом черепичную крышу. Пестрая лисица, в которой сейчас теплилась душа Яо Е, сидела на самом краю конька, глядя вдаль.

Его истинный дух томился в теле Яо Ланьмэй, лишенный былого могущества. Перед этим Богом Феникса он был не сильнее мелкого беса. Он кипел от негодования, но не смел действовать открыто.

Лишь теперь он в полной мере осознал ту горечь, которую когда-то пил сам Фэн Цзюэчэнь.

В тот день, когда Юй Циньинь признался во всём учителю, Фэн Цзюэчэнь из последних сил сдерживал бушующее пламя гнева.

«Мы с Яо Е любим друг друга, и это... никак не касается учителя Фэна».

Яо Е чувствовал то же самое — бурю в сердце и бессилие, не позволяющее просто забрать своё.

«Учитель Фэн, — подумал Яо Е, и это был последний раз, когда он называл его так. — Он не твоя Девочка-Феникс. Он мой Юй Циньинь».

Он заставит его вспомнить всё. О себе, о Пустоши Куньлунь, о Фэн Цзюэчэне и о тех самых фениксах-близнецах.

***

Небеса. Таоюань-сян

Вдоль берега кристально чистого ручья тянулись бесконечные ряды персиковых деревьев. Трава здесь была изумрудной, а воздух полнился ароматом опадающих лепестков. Цин Муцзэ — Древо Бессмертия — осторожно пробиралась вперед, озираясь по сторонам. Вокруг не было ничего, кроме розового марева.

Ей стоило огромных трудов разузнать в Пустоши Куньлунь хоть что-то о Байцзе, главе всех божественных зверей. Говорили, что после «того происшествия» Байцзе бесследно исчез, перестав вмешиваться в дела богов и людей. Цин Муцзэ перерыла горы свитков, прежде чем нашла зацепку, приведшую ее в этот «земной рай» — Таоюань-сян.

Она остановилась под деревом, сжимая кулаки. Зашла слишком далеко, чтобы отступить. Обязана найти Байцзе и вырвать Яо Ланьмэй из лап смерти...

— Вижу, тебя что-то гложет.

Цин Муцзэ вздрогнула и подняла голову. Неподалеку, под сенью цветущих ветвей, стоял мужчина в одеяниях цвета яростного пламени. Красота его лица была безупречной, а взгляд — кротким. Яркий алый наряд удивительно гармонировал с розовыми лепестками, словно они окрашивали друг друга. Несмотря на кричащий цвет, незнакомец казался воплощением спокойствия и внутренней тишины.

Пораженная его статью, Цин Муцзэ на мгновение лишилась дара речи.

— Кого же ты ищешь в этом краю? — мужчина небрежно сорвал персиковую ветвь. Несколько лепестков осело на его плечах и в волосах.

Придя в себя, Цин Муцзэ поспешно склонилась в глубоком поклоне.

— Я — Древо Бессмертия из Пустоши Куньлунь. Прибыла сюда, дабы просить аудиенции у Верховного бога Байцзе.

Мужчина с веткой в руке мягко улыбнулся:

— Хочешь видеть Байцзе? Не нужно церемоний, оставь эти поклоны для официальных приемов.

Цин Муцзэ замялась, недоуменно глядя на него.

— Позвольте узнать ваше имя, о Высший?

— Имя... зови меня Лингуан.

Здесь была не его резиденция над Девятыми небесами, так что чины были ни к чему. А его настоящее имя, кроме того ребенка, уже давно никто не произносил.

«Лингуан?» Цин Муцзэ тут же согнулась в еще более низком поклоне.

— Приветствую Божественного владыку Лингуана.

Тот протянул руку, поддерживая ее за локти. Симин был прав: обитатели Трех миров настолько привыкли к суровым догмам и законам, что превратились в подобие безжизненных изваяний, слепо следующих этикету. Будь они хоть каплю живее, Небеса перестали бы быть такими унылыми. Лингуан вспомнил свою маленькую Цинлуань — вечно радостную и звонкую. На его губах заиграла теплая улыбка.

От этого взгляда, не уступающего мягкому свету Владыки Маожи, на душе у Цин Муцзэ стало спокойнее.

— Владыка, известно ли вам, где сейчас пребывает Байцзе?

— Там, где кончается персиковая роща, найдешь его «нору». Я как раз от него.

Радость вспыхнула на лице Цин Муцзэ. Поблагодарив за помощь, она уже собиралась поспешить в указанном направлении, как Лингуан, разминувшись с ней, негромко обронил:

— В подлунном мире редко удается найти путь, что устроил бы обоим.

Цин Муцзэ обернулась в недоумении, но увидела лишь край алого рукава, тающий в вихре лепестков. Сказал ли он что-то еще? Она не расслышала и решила не задерживаться.

На краю рощи, среди благоухающих трав и диковинных зверей, стоял маленький домик. Подойдя ближе, Цин Муцзэ увидела на дверях свитки с надписями.

Правый: «Ведаю тайнами звезд и путями земли»

Левый: «Знаю всё — от небесных дел до куриной шелухи»

Сверху: «Исцеляю неизлечимое»

Она застыла, глядя на эту табличку, и в голове ее воцарилось полное смятение. К какому же богу она пришла?

Цин Муцзэ постучала, но ответа не последовало. Когда она занесла руку для второго удара, дверь, украшенная тонкой резьбой, приоткрылась. Из щели на нее уставился ребенок с двумя забавными пучками волос на голове.

— Я — Цин Муцзэ, пришла к Верховному богу Байцзе.

Мальчишка распахнул дверь, и на нее пахнуло густым ароматом лекарственных трав. Внутри всё пространство было забито шкафчиками для снадобий. Сначала казалось, что в комнате царит хаос, но если присмотреться, можно было заметить строгий порядок. За прилавком стоял человек в простых белых одеждах. Отложив пестик, он направился к госте.

— Ого, — усмехнулся он. — Ко мне пожаловало само «живое лекарство».

Цин Муцзэ инстинктивно отпрянула. Она еще не успела представиться, а он уже видел ее суть.

— Да не бойся ты так, «ценный корень». Зачем пришла?

— У меня есть просьба, — она снова поклонилась. — Молю Верховного бога Байцзе выслушать...

Тот нетерпеливо махнул рукой.

— Да что сегодня за день такой? Все ко мне как к живому Будде валят! — Он не дал ей вставить и слова. — Так зачем ты здесь?

— Чтобы спасти... дорогого мне человека.

Байцзе пододвинул стул и уселся, скрестив руки на груди.

— Ну, выкладывай, чем хворает твой «дорогой», — он насмешливо прищурился. — Только не вздумай сказать, что у него то же самое, что и у того огненного феникса, который только что отсюда улетел.

Любовная тоска — болезнь, против которой бессильны даже боги. К несчастью для Цин Муцзэ, тот, кого она хотела спасти, был обречен, и даже всезнание Байцзе не могло повернуть время вспять.

<http://bllate.org/book/17464/1698261>